

Гофман, Г. Герои Таганрога : документальная повесть / Г. Гофман ; [худож. Л. Корсаков]. - Москва : Молодая гвардия, 1966. - 368 с.

Почти весь август на фронте восточнее Таганрога наблюдалось затишье. По городу разнёсся слух, что под Курском немцы потерпели, крупное поражение. Теперь уже не зимой, а летом Советская Армия разгромила отборные войска фашистской Германии и сама перешла в решительное наступление. И жители Таганрога с нетерпением ожидали прихода советских войск.

Наконец в последних числах августа земля вздрогнула от мощных артиллерийских залпов. В Таганрог хлынули потоки раненых гитлеровских солдат. Советская авиация начала бомбить отступающие колонны немцев. Оккупанты и их прислужники заметались в панике. Срочно эвакуировались различные фирмы и немецкие учреждения. Компании «Юнкерс» и «Киршен-Гофер» спешно грузили на баржи оборудование предприятий.

Таганрожцев вылавливали на улицах, выводили из квартир и насильно гнали на погрузочные работы, на строительство оборонительных рубежей. Люди тайком уходили в степь, прятались в зарослях кукурузы, переживая последние дни гитлеровского господства.

29 августа, несмотря на воскресный день, рабочих фирмы «Киршен-Гофер» срочно вызвали в порт и заставили загружать баржи. Прикрывая эвакуацию, над городом непрерывно патрулировали немецкие истребители. В воздухе то и дело завязывались воздушные бои. Чувствовалось, что Советская Армия близко, что с часу на час советские воины вступят на улицы Таганрога.

Немцы начали взрывать заводы, склады, мельницы, электростанцию, железнодорожные депо. Хлебозавод и трамвайный парк пылали в огне. В портовых складах рвались снаряды. От сильных взрывов из окон со звоном вылетали стёкла. К вечеру горел уже весь город. От пожаров было светло как днём. С неба то и дело спускались осветительные бомбы. Советские самолеты бомбили порт.

Немецкие мастера и инженеры фирмы «Юнкерс» поспешно отправляли на аэродром свои чемоданы и награбленное добро. Крытые брезентом автомашины подъезжали прямо к трёхмоторным, пузатым транспортным самолётам, и солдаты перетаскивали вещи из грузовиков в просторные кабины Ю-52. Тут же толпились легко раненные офицеры, мечтавшие попасть на отлетающие самолёты. Но это мало кому удавалось. Все места были заняты высокопоставленными чиновниками различных немецких фирм и административных учреждений.

Гитлеровцы чином поменьше спешили воспользоваться железнодорожным транспортом. От полуразрушенного здания вокзала отправлялись последние пассажирские поезда, переполненные немецкими чиновниками, их семьями и предателями Родины. Побросав собственные дома и пожитки, уезжали из Таганрога и братья Кирсановы. Перепуганные, они

суетливо бегали по перрону, пытаясь протиснуться в переполненные вагоны пассажирского поезда.

Один лишь Юрий был относительно спокоен. На его одутловатом лице застыла чуть заметная самодовольная усмешка. Да, да, он улыбался. Ещё бы! В его руке был небольшой чемоданчик с награбленным и скупленным за бесценок золотом. «Главное — выбраться из этой каши. А с драгоценностями на Западе я не пропаду».

Но за несколько минут до отправления поезда у Юрия вконец испортилось настроение. И виной тому послужила случайная встреча с Александром Петровым.

Начальник политического отдела с нарядом полицейских дежурил на вокзале во время погрузки беженцев. Он не забыл обиду, нанесённую ему младшим Кирсановым в первые дни оккупации. И теперь, повстречав его на перроне, он воспользовался своими правами и задержал Юрия для осмотра вещей. После короткого, не совсем вежливого разговора полицаи втиснули Кирсанова на площадку вагона, но в его руках уже не было заветного чемоданчика.

Прозвучал прощальный гудок паровоза, лязгнули буфера, поезд тронулся. Юрий растерянно смотрел в раскрытую дверь вагона, туда, где вдали угадывались очертания Таганрога — города, в котором рухнули его последние надежды.

В ночь на 30 августа удрал из Таганрога и капитан Брандт. На восточной окраине города уже отчетливо слышались трескотня автоматов и дробный перестук пулеметных очередей. Советская авиация продолжала беспрерывно бомбить порт. Стрельба и глухие взрывы напомнили Брандту донскую станицу, его бегство в ночной темноте по заснеженной, усеянной трупами степи.

«Повезло тогда — повезёт и теперь», — думал Вилли Брандт. Он верил в закон двойственности: «То, что произошло один раз, должно повториться». И вдруг он с ужасом вспомнил исход первой мировой войны. «Неужели и эта война закончится разгромом Германии?»

Так и не попрощавшись со своими помощниками из полиции, капитан Брандт покинул Таганрог в крытом автобусе, наедине с невесёлыми думами о превратностях войны.

А начальник русской полиции Борис Стоянов спешно заметал следы преступлений. Прежде чем скрыться из города, он приказал расстрелять всех арестованных, находившихся в подвальных камерах городской полиции. Не пощадил он и престарелую женщину — мать Константина Афонова.

Уже под утро, когда посветлела восточная часть небосклона, Стоянов и Петров подпалили здание русской полиции и укатали из Таганрога на служебном мотоцикле вслед за капитаном Брандтом.

Сквозь мутную пелену дыма, гари и копоты с трудом просматривалось поднявшееся над горизонтом солнце. Стихли артиллерийские залпы. Только автоматные очереди рассыпались ещё кое-где на пустынных улицах Таганрога.

Было восемь часов утра, когда первые бойцы Советской Армии и партизаны отряда «Отважный-2» появились в городе. Короткими перебежками пробирались они от дома к дому, отыскивая последних гитлеровцев, которые не успели ещё удрать.

Вскоре солнечные лучи пробились через поредевшую дымовую завесу и ярким светом озарили дома.

И словно сговорившись, вместе с лучами солнца хлынули на улицы Таганрога колонны советских войск. С грохотом и скрежетом катились танки, облепленные загорелыми, пропылёнными бойцами; ехали большие грузовики, переполненные пехотой; двигалась артиллерия.

Восторженными возгласами встречали таганрожцы своих освободителей. Со слезами радости на глазах смотрели они на красные пятиконечные звёздочки, на, родные, знакомые лица советских солдат и офицеров. Люди останавливали машины, обнимали бойцов, засыпали их букетами цветов.

Выбрались из погребов и подвалов и уцелевшие подпольщики. В живых остались немногие. Изнурённые, исхудавшие, с оружием в руках, они помогали советским бойцам вылавливать спрятавшихся гитлеровцев и предателей Родины.

А в полдень на площади возле памятника Петру Первому состоялся митинг. С кузова грузовика, увешанного красными полотнищами, к жителям Таганрога обратился секретарь Ростовского обкома партии Ягупьев. Он поздравил таганрожцев с освобождением, рассказал о разгроме немецкой армии под Орлом и Курском, о стремительном наступлении советских войск на Центральном фронте.

Над притихшей многотысячной толпой громко звучали его слова:

— Наша армия располагает теперь мощной боевой техникой, которая создана руками советских тружеников. В тяжелейших условиях военного времени мы; перестроили промышленность, поставили её на новые рельсы и обеспечили бесперебойное снабжение фронта всем необходимым.

За два года войны наши бойцы и командиры обрели достаточный опыт и теперь сами громят хваленую армию Гитлера. Недалеко то время, когда фашистские полчища будут навсегда изгнаны за пределы советской земли. Но наша задача не только изгнать, но и уничтожить их.

Товарищи! На плечи советского народа легла, великая освободительная миссия. До сих пор стонут ещё под фашистским ярмом наши братья и сёстры, увезённые в Германию. Они изнывают от непосильного рабского труда, умирают от голода и невыносимых условий. Освободить их из фашистской неволи — наша святая обязанность. Нашей помощи ждут и порабощённые народы Европы. И их мы должны избавить от фашистского ига.

Но чтобы добиться окончательной и скорейшей победы, надо ещё многое сделать. Надо быстро восстановить разрушенные заводы и фабрики, надо скорейшим образом наладить выпуск военной продукции. Советский народ живёт сейчас под лозунгом: «Всё для фронта! Всё для победы!»

Когда Ягупьев кончил и сошёл с грузовика, к нему протиснулся невысокий плотный человек в рабочей спецовке.

— Скажите, товарищ секретарь, а вы не знали Николая Морозова — секретаря комсомольского? — спросил он.

— Конечно, знал. А почему вы о нем спрашиваете? — Ягупьев пристально посмотрел на незнакомца.

— Я его брат. Виктор.

— Родной ты мой, — дрогнувшим голосом проговорил Ягупьев и обнял Виктора. — Как же вы Николая не уберегли?

— Так уж случилось. Не рассчитали малость. Думали, вы ещё в феврале в Таганрог вернётесь.

— Скажите, а мать ваша жива?

— Жива... Не тронули её... Да и я, как видите; уцелел.

— Запишите мне ваш адрес, — Ягупьев протянул Виктору записную книжку. — Зайду её проведать. Хочу вместе с ней разделить ваше горе.

— Горе, оно у многих, правда, не у всех поровну. Вон у Турубарова двух дочерей и сына немцы убили. — Виктор кивнул на стоявшего неподалёку седого старика, на руках которого был мальчик лет шести. — У него всех детей война унесла. А сын его, Пётр, первым помощником был у Николая.

Ягупьев молча шагнул к Турубарову и пожал ему руку. По щекам старого рыбака катились слёзы.

— Ты что же дедушку обижаешь? Смотри, он же плачет, — сказал Ягупьев мальчику, чтобы хоть как-то отвлечь Турубарова от невесёлых воспоминаний.

— А это не дедушка. Это дядя Кузьма. Он не плачет. Он просто так, — пояснил Толик и, обняв ручонками старого рыбака, прильнул щекой к его лицу.

— А ты кто же будешь? Твоя как фамилия? — Ягупьев погладил мальчугана по голове.

— Меня зовут Толик, — мальчик вопросительно посмотрел на Кузьму Ивановича.

— Ну говори, говори. Фамилия-то твоя как?

— Турубаров, — решительно проговорил Толик и ещё раз повторил отчетливо: — Турубаров, вот как.

А с грузовика уже слышался голос другого оратора, который призывал добровольцев вступать в ряды Советской Армии.

— Хоть и годы не те, а пока война, в Таганроге сидеть не буду. Пойду на фронт. За детей своих мстить хочу, — сказал Кузьма Иванович. Он поставил мальчика на землю, взял его за руку и пошёл к городскому парку.

Ягупьев долго глядел ему вслед. Потом невольно обратил внимание на иссечённые снарядами деревья. Одни из них были срублены наполовину, на других висели надломленные пулями и осколками ветки, многие остались нетронутыми. Да, не все деревья пережили фашистскую оккупацию. Но те, что стояли, продолжали зеленеть на улицах Таганрога, встречая освободителей приветливым шелестом листвы.